

Глава первая

Королева с колыбели

1542—1548 годы

Шесть дней от роду было Марии Стюарт, когда она стала королевой Шотландии: с самого начала заработал закон ее жизни: получать от судьбы все слишком рано, в дар, не испытывая радости осознания. В мрачный декабрьский день 1542 года — родилась она в замке Линлитгау — в одном из соседних замков лежал на смертном одре ее отец, ему было всего тридцать один год от роду, но жизнь уже сломила его, утомила корона, утомили сражения. Он был храбрым рыцарем, когда-то даже веселым, страстно любил искусство и женщин, не гнушался народа; часто, переодевшись, выходил на праздник в деревни, танцевал и шутил с крестьянами, и некоторые из написанных им песен и баллад еще долго жили в памяти народа. Но этот несчастный наследник злосчастливого рода родился в смутное время в негостеприимной стране, и с самого начала была предначертана ему трагическая судьба. Его сильный духом и неуживчивый сосед Генрих VIII настаивал на введении реформации, однако Иаков V остался верен католицизму; шотландская знать, которая всегда была не прочь создать трудности своему правителю, тут же воспользовалась воцарившимся раздором и ввергла веселого и миролюбивого мужа в состояние постоянной тревоги и войны. Четыре года тому назад, когда Иаков V сватался к Марии де Гиз, он точно описал превратности и тяготы королевского бремена при этом твердолобом и алчном клане.

«Мадам, — писал он в этом поразительно искреннем письме, — мне всего двадцать семь лет, и жизнь уже тяготит меня так же, как и моя корона... С детства оставшись сиротой, я стал пленником тщеславных аристократов; могущественный дом Дутласов долгое время держал меня в подчинении, и я ненавижу это имя и всякое воспоминание об этом. Арчибальд, граф Ангус, Георг, его брат, и все их отправленные в изгнание родственники беспрерывно настраивают против нас короля Англии, в моей державе не найдется ни одного дворянина, которого он не соблазнил бы обещаниями или не подкупил бы золотом. Моя особа не в безопасности, никто не поручится, что будет по-моему, что законы будут справедливы. Все это пугает меня, мадам, и я ожидаю от Вас силы и совета. Я пытаюсь украшать замки, поддерживать обороноспособность крепостей и строить суда — без денег, ограничиваясь лишь той поддержкой, что получаю от Франции, да благодаря незначительным пожертвованиям от моего богатого духовенства. Вот только бароны мои считают короля, который по-настоящему хочет быть королем, невыносимым соперником. Несмотря на дружбу с королем Франции и поддержку его войск, несмотря на любовь моего народа, я все же боюсь, что не сумею одержать решительную победу над баронами. В попытке расчистить путь к справедливости и покою для этого народа я мог бы преодолеть все препятствия и, возможно, сумел бы достичь этой цели, если бы аристократию моей страны никто не поддерживал. Вот только король Англии беспрестанно сеет раздор меж нами, а те разрушительные ереси, что он насадил в моей державе, просачиваются даже в сами церковные круги и в народ. А ведь сила моя и моих предков основывалась исключительно на горожанках да церкви, и здесь я вынужден спросить себя: много ли времени отпущено еще этой силе?»

Свершились все беды, предсказанные королем в этом провидческом письме, и даже более того. Оба сына, которых подарила ему Мария де Гиз, умерли еще в колыбели, и король Иаков V, мужчина в полном расцвете сил, никак не мог дожидаться наследника короны, что с каждым годом давило на него все сильнее и болезненнее. В конце концов шотландские бароны толкнули его против воли на войну со значительно превосходившей его по силам Англией, чтобы потом, в решительный час, предательски бросить одного. В битве при Солуэй-Моссе Шотландия не просто проиграла бой, она утратила честь: толком не сражаясь, лишённые предводителей войска, оставленные главами кланов, самым жалким образом разбежались; однако сам король, этот всегдашний рыцарь, в тот решительный час боролся уже отнюдь не с чужими врагами, а с собственной смертью. Снедаемый жаром и усталостью, он лежал в постели в Фолклендском замке, утомленный бессмысленными сражениями и тягостной жизнью.

Тогда-то, в тот мрачный зимний день 9 декабря 1542 года, когда окна застил туман, в двери постучал гонец и сообщил уставшему умирать больному, что у него родилась дочь, наследница. Вот только ни надеяться, ни радоваться у истерзанной души Иакова V не осталось сил. Почему не сын, не наследник? Обреченный на смерть во всем видит лишь несчастье, трагедию и упадок, а потому разочарованно ответил:

— Женщина дала нам корону, женщина ее и заберет, — и это мрачное пророчество стало его последними словами.

Вздохнув, он отвернулся к стене и перестал отвечать на вопросы. Его похоронили спустя несколько дней, и Мария Стюарт, едва успев увидеть мир, стала наследницей королевства.

Это наследие вдвойне непросто: быть Стюарт и королевой Шотландии, ибо никому из Стюартов на этом троне до

сих пор не везло и никто из них не задерживался на нем надолго. Два короля, Иаков I и Иаков III, были убиты, еще двое, Иаков II и Иаков IV, пали на поле боя, а двоим их потомкам, этому безвинному дитяти и внуку по крови, Карлу I, судьба уготовала еще более жестокую участь: эшафот. Никому из этого рода Атреева не было даровано насладиться полнотой жизни, никому не светили звезды удачи. Стюартам вечно приходилось сражаться с врагами внешними, врагами внутри державы и с самими собой, их вечно окружала тревога, и тревога же была внутри. И столь же беспокойна, как они сами, их страна, и наиболее вероломны в ней те, кто должен был бы быть в числе самых преданных: лорды и бароны, этот угрюмый и необузданный, этот жадный и воинственный, этот упрямый и непреклонный рыцарский род — «un pays barbare et une gent brutelle», как недовольно жалуется Ронсар, поэт, которого занесло в эту туманную страну. Чувствуя себя в своих загородных поместьях и замках маленькими королями, лорды и бароны произволом гонят, точно убойный скот, подвластных им пахарей и пастухов в свои нескончаемые стычки и набеги, ибо неведома этим безграничным правителям кланов иная радость бытия, нежели война. Раздоры — их страсть, ревность движет ими, и думают они всю свою жизнь только о власти. «Деньги и выгода, — пишет французский посланник, — вот единственные сирены, к которым прислушиваются шотландские лорды. И если говорить с ними о долге по отношению к своим князьям, чести, справедливости, добродетели и благородных поступках, то это вызовет у них лишь приступ безудержного смеха». В своей аморальной склонности и вороватости подобны они итальянским кондотьерам, однако не столь культурны и безудержны в своем потакании инстинктам, и постоянно дерутся они за право превосходства, все эти древние и могущественные кланы Гордонов, Гамильтонов,

Аранов, Мейтлендов, Кроффордов, Линдсеев, Ленноксов и Аргайлов. Они то мирно пасутся бок о бок на своих стародавних феодах, то, заключив торжественный союз, уверяют друг друга в недолговечной верности, чтобы объединиться против третьего, постоянно образуя клики и шайки, но в глубине души все они чужие друг другу, и всякий, несмотря на все родственные или свойские связи, неудержимо завидует и враждует с другими. Что-то языческое и варварское продолжает жить в этих диких душах, и как бы они себя ни звали, католиками ли, протестантами ли — как то диктует им выгода, — но на самом деле все они внуки Макбета и Макдуфа, кровавые тайны, великолепно описанные Шекспиром.

И только в одном-единственном случае вся эта неукротимая и ревнивая банда объединяется сразу же: всякий раз, когда нужно не дать воли их общему повелителю, собственному королю, ибо всем им в равной мере невыносимо повиновение и неведома верность. Если уж эта «*parcel of rascals*»¹, как заклеил их прашотландец Бернс, и согласна терпеть над своими замками и владениями некую призрачную королевскую власть, то происходит это исключительно из чувства ревности и соперничества между кланами. Гордоны позволили Стюартам носить корону лишь затем, чтобы она не досталась Гамильтонам, а Гамильтоны — из соперничества с Гордонами. Но горе королю Шотландии, если он подобно настоящему правителю попытается вынудить страну подчиняться и вести ее к порядку, если он в своем юношеском задоре дерзнет выступить против высокомерия и жадности лордов! Тогда эта недружелюбная шайка сразу же объединится с целью лишить своего правителя власти, и если не удастся сделать это при помощи меча, то к услугам всегда кинжал убийцы.

¹ Кучка проходимцев (англ.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)